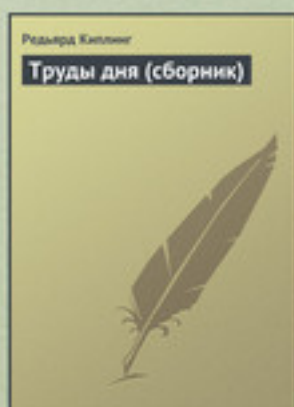

Редьярд Киплинг

Ошибка в четвертом измерении

*Часть сборника
Труды дня (сборник)*

Редьярд Киплинг

Ошибка в четвертом измерении

«Public Domain»

1894

Киплинг Р. Д.

Ошибка в четвертом измерении / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1894

«Ему не было еще тридцати лет, когда он убедился, что нет человека, который понимал бы его. Несмотря на богатство, накопленное тремя трудовыми поколениями, несмотря на его просвещенный и правоверный вкус во всем, что касалось книг, переплетов, ковров, мечей, бронзы, лакированных вещей, картин, гравюр, статуй, лошадей, оранжерей, общественное мнение его страны интересовалось вопросом, почему он не ходит ежедневно в контору, как его отец...»

© Киплинг Р. Д., 1894

© Public Domain, 1894

Редьярд Киплинг

Ошибка в четвертом измерении

* * *

Ему не было еще тридцати лет, когда он убедился, что нет человека, который понимал бы его. Несмотря на богатство, накопленное тремя трудовыми поколениями, несмотря на его просвещенный и правоверный вкус во всем, что касалось книг, переплетов, ковров, мечей, бронзы, лакированных вещей, картин, гравюр, статуй, лошадей, оранжерей, общественное мнение его страны интересовалось вопросом, почему он не ходит ежедневно в контору, как его отец.

Поэтому он бежал, и соотечественники кричали вслед ему, что он англофил-маньяк, родившийся для того, чтобы истреблять плоды работы других, и совершенно лишенный патриотического духа. Он носит монокль, он выстроил вокруг своего загородного дома стену с высокими, закрывающимися воротами вместо того, чтобы пригласить всю Америку сидеть на его цветочных клумбах, он заказывал себе платье в Англии, и пресса его города проклинала в нем все – начиная с монокля до брюк – два дня подряд.

Когда он снова выплыл на свет Божий, то оказался там, где разве только появление на Пиккадилли палаток вражеской армии могло бы произвести впечатление. Если у него есть деньги и свободное время – Англия готова дать все, что могут купить деньги и свободное время. Получив плату, она не станет задавать вопросов.

Он вынул свою чековую книжку и стал собирать разные вещи – сначала осторожно, потому что помнил, что в Америке вещи владеют человеком. К великому своему восхищению, он открыл, что в Англии, наоборот, он может попирать ногами принадлежащие ему вещи.

Целые классы людей и слои общества различных наименований выросли как будто из-под земли и молча и искусно взяли на себя заботу о его приобретениях. Они были рождены и воспитаны с единственной целью – быть слугами чековой книжки. Когда она кончалась, они исчезали с той же таинственностью, с какой появлялись.

Непроницаемость такой размеренной жизни раздражала его, и он пытался узнать что-либо о человеческой стороне этих людей. Он должен был отказаться от своего намерения и поступить в обучение к своим подчиненным. В Америке туземец развращает английских слуг. В Англии слуга воспитывает своего господина. Вильтон Серджент старался научиться всему, чему его обучали, с таким же усердием, с каким его отец старался разрушить железнодорожные линии своей родной страны до захвата их, и, должно быть, капля старой бандитской крови заставила его купить за ничтожную цену Холт-Хангарст, лужайка которого размером в сорок акров полого спускалась к четырем подъездным путям Большой Бухонианской железной дороги. Поезда летали почти непрерывно с шумом, утром напоминавшим жужжание пчел, а вечером – трепетание могучих крыльев. Сын Мертон Серджента имел основание интересоваться этой железнодорожной линией. Ему принадлежало несколько тысяч миль подъездных путей, но не главной линии, где локомотивы постоянно свистели на переездах, а салон-вагоны баснословной цены и необычайной раскраски скользили по изгибам, в безопасности которых усомнились бы инженеры главной линии Бухонианской железной дороги.

С края своей лужайки он мог видеть, как рельсы, натянутые, словно тетива лука, спускались в долину Преста, усеянную уходящими далеко вдаль сигнальными будками, и делали в высшей степени рискованные подъемы на насыпь в сорок футов вышины.

Предоставленный самому себе, Вильтон выстроил бы отдельный вагон и держал бы его на ближайшей железнодорожной станции Эмберли Ройаль, в пяти милях от своего местопребывания. Но те, в чьи руки он отдался, чтобы получить воспитание на английский манер, имели

мало понятия о железных дорогах и еще менее об отдельных вагонах. Та, которую они знали, входила в круг вещей, существовавших для их удобства. Остальные были для них «американскими», а с настойчивостью, свойственной его силе, Вильтон желал быть даже больше англичанином, чем сами англичане.

Он преуспел в этом как нельзя лучше. Он научился не украшать Холт Хангарс, хотя отоплял его, научился оставлять гостей одних, удерживаться от излишних представлений их друг другу, он отказался от своих привычек, манер и придерживался тех, которые можно приобрести известными усилиями. Он научился предоставлять людям наниматься с какой-нибудь целью и исполнять обязанности, за которые им платили. Он узнал от землекопа, работавшего в его имении, что всякий человек, с которым он приходит в соприкосновение, имеет определенное положение в государственной организации, и Вильтону не мешает ознакомиться с этим положением. В довершение всего он научился хорошо играть в гольф, а когда американец усваивает все тонкости этой игры, он утрачивает свою национальную самобытность.

Остальная часть его воспитания происходила весьма приятным образом. Если что-либо возбуждало его интерес на небесах, или на земле, или в водах под землей, то немедленно появлялось за его столом, направляемое надежными руками, в которые он попал. Появлялись именно те люди, которые лучше всего говорили, делали что-либо, писали, исследовали, производили раскопки, строили, спускали на воду, создавали или изучали именно то, что интересовало его, – хранители книг и гравюр Британского музея, специалисты по части жуков, архитектурных украшений и египетских династий, путешественники в глубины неизвестных стран, токсикологи, любители и знатоки орхидей, писатели монографий о домашней утвари каменного века, о коврах, о доисторическом человеке или о музыке раннего Ренессанса. Они приходили и играли с ним. Они не предлагали никаких вопросов, нисколько не заботились о том, кто он и что он такое. Они требовали от него только, чтобы он умел говорить и вежливо слушать. Их работа происходила где-то вдали от его взоров.

Были и женщины.

«Никогда, – говорил себе Вильтон Серджент, – ни один американец не видел Англии так, как вижу ее я». – И, краснея под одеялом, он вспоминал о белых днях, когда он отправлялся в контору по Гудзоне на своей паровой океанской яхте в тысячу двести тонн и добирался в трамвае до улицы Бликер, держась за кожаный ремень между ирландской прачкой и немецким анархистом. Если бы кто-нибудь из его теперешних гостей увидел его, он сказал бы: «Совершенно по-американски», а Вильтону не нравился этот тон. Он приучил себя к походке англичан и к английскому тону голоса – за исключением тех случаев, когда возвышал его. Он не жестикулировал, он подавил в себе немало привычек, но были некоторые вещи – между прочим, пристрастие к некоторым кушаньям, – от которых не мог отучить его даже Говард, его безупречный дворецкий.

Его воспитанию суждено было закончиться самым странным и удивительным образом, и мне довелось присутствовать при этом конце.

Вильтон несколько раз приглашал меня, чтобы показать мне, как хорошо на него действует новая жизнь в Холт-Хангарсе, и каждый раз я объявлял, что все идет отлично. Третье его приглашение было менее формально, чем предыдущие, и в нем он намекал на какое-то дело, где требуется мое одобрение или совет, а может быть, и то и другое. Когда человек начинает позволять себе вольности со своей национальностью, появляется бесконечный простор для ошибок, и потому я отправился, ожидая многого. Догарт в семь футов и грум в черной ливрее Холт-Хангарса встретили меня на станции Эмберли Ройяль. В Холт-Хангарсе меня принял элегантный и очень сдержанный человек и провел в предназначенную мне роскошную комнату. В доме не было других гостей, и это заставило меня призадуматься.

За полчаса до обеда Вильтон зашел в мою комнату. Свое беспокойство он тщетно маскировал выражением самоуверенности и равнодушия. Через некоторое время – расшевелить

его было почти так же трудно, как любого из моих соотечественников – я добился от него рассказа, простого в его экстравагантности и экстравагантного в его простоте. Оказалось, что Гакман, из Британского музея, провел у него около десяти дней, хвастаясь своими жуками. Гакман имеет привычку носить действительно бесценные антикварные вещи на колечке для ключа и в кармане брюк. По-видимому, ему удалось перехватить что-то, предназначавшееся в Булакский музей, «подлинный Амен-Хотеп», по его словам, «жук царицы Четвертой Династии». Вильтон купил у Кассаветти, репутация которого не вполне безукоризненна, жука, приблизительно такого же ценного, и оставил в своей лондонской квартире. Гакман наугад, основываясь только на том, что знал о Кассаветти, сказал, что это обман с его стороны. Последовало продолжительное обсуждение вопроса ученым и миллионером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.